

— Я общался с ним в столице без малого год, — заговорил Ян Е. — Семья у него скромная, так что честолюбия парню не занимать — он явно мечтает о подвигах и чинах. Говорит он мало, но дал понять: умная птица всегда выбирает достойное дерево для гнезда. Хотя он и служил под началом Вэй Мэндо, раз уж решился последовать за мной в это дикое приграничье, значит, ко всему готов. Брат, тебе стоит поговорить с ним с глазу на глаз перед тем, как окропим знамёна кровью. Расспроси о его помыслах, разузнай, чего он хочет. Если условия выполнимы — пообещай исполнить.

Ян Си согласно кивнул.

— Меня больше беспокоит провиант. Все главные закрома империи, вроде житниц Синло и Юнфэн, сосредоточены у Лояна и Чанъаня. Последние два года император только и делал, что искал во мне скрытую угрозу, а потому урезал наше снабжение до крох. Пришлось унижаться перед Цэнь Цзинем — думал выбить припасов из него. Но старый князь, хоть и оказался щедрее государя, широких жестов делать не стал. Накопить почти ничего не удалось. Чтобы сберечь припасы, я переподчинил восемнадцать тысяч воинов генералу Ли на перевале Старое Горло — теперь они на его довольствии. К тому же мы распахали земли в Вишнёвом ущелье: в прошлом году сняли один урожай, а через несколько дней можно будет наспех убрать второй. Вместе со старыми запасами это спасёт нас на первых порах, но надолго не хватит. Если сравнивать наши силы с императорскими... Пока его войска сидят в Лояне, их амбары будут полны. Время работает на него. Мы же затяжной войны не перенесём. Любое промедление станет для нас гибелью.

Ян Е, слушая эти подсчёты, не нашёлся что ответить. Маркиз Хуайнань привык в армии жить на всём готовом, не заботясь, откуда берётся каша в его котелке — главное, чтобы порция была щедрой.

Помолчав, он лишь спросил:

— А где Юньци? Брат, тебе стоит обсудить это с ним.

— Юньци... — Ян Си тихо вздохнул. — Я отправил его к князю Гуаньчжуна. Попытаемся выпросить зерна. Хотя в такие смутные времена Цэнь Цзинь вряд ли согласится помочь. Но попытаться мы обязаны. Даже если он откажет, пускай видит: в переломный час я пришёл к нему как к старшему покровителю, ища опоры.

Пока Бэйчэнь Цин не вернулся, Ян Е прилежно помогал брату. Они без устали крутились с утра до ночи: устраивали смотры войскам, разбирали донесения, сверялись с картами и планировали будущую кампанию. Свободной минуты не выдавалось вовсе.

Лишь к исходу одного из вечеров Ян Си выкроил время, чтобы поговорить с Юань Оумином и узнать его намерения. Уходил он сосредоточенным и спокойным, но вернулся сам не свой — на лице застыло крайнее изумление, смешанное с недоверием.

Ян Е ждал его в главном шатре, подперев подбородок ладонью и от скуки крутя пальцами

пустую пиалу. Завидев брата, он тут же встрепенулся:

— Ну как?

Ян Си долго и пристально всматривался в брата, прежде чем заговорить.

— Сяо Лан, скажи мне... Зачем тогда в столице император сосватал тебе деву Фэн Гэ? Неужели только из-за того, что ты посмеялся над ней?

Ян Е опешил. Уголок его рта нервно дёрнулся, и он выдал деланный смешок:

— Ха-ха... Ну да, и что с того? Нелепая случайность, не более. Брат, у неё лицо вечно такое кислое, будто она полыни объелась. Я на неё смотреть не могу. Прожить с такой постной миной бок о бок полвека — да я же со скуки помру!

Ян Си не выдержал и улыбнулся.

— Вот и славно. Генерал Юань Оумин признался, что дева Фэн Гэ пришлась ему по сердцу, и просил узнать твоё мнение. Если ты уступишь её ему, он заберёт её в законные жёны и клянётся до конца дней не брать наложниц.

Пиала в руках Ян Е выскользнула и со звоном разлетелась вдребезги о земляной пол.

Ян Си степенно оправил широкие рукава халата, присел у стола и усмехнулся:

— Ты чего? Девушка она славная, так что если передумал — ещё есть время пойти на попятную. Не переживай, я первым делом выслушаю тебя.

Ян Е подскочил на месте. От радости лицо его просияло, а слова посыпались сплошным потоком:

— Нет-нет-нет! Генерал Юань — просто золото, а не человек! Как тонко чувствует, как точно мыслит! Фэн Гэ ведь тоже с юга. Как там пелось? «О дева, где твой дом? Мой дом в Хэнтане... Поймай, рыбак, не мы ли земляки?» Вот она, судьба! Настоящий союз, предначертанный небесами, красна девушка да добрый молодец! — Он бросил взгляд на потемневший полог шатра. — Ещё не поздно, пойду на радостях напьюсь с ним! Прямо сейчас и пойду!

Он уже собрался вихрем вылететь наружу, но Ян Си крепко перехватил его за рукав.

— Погоди, Сяо Лан. Фэн Гэ ты можешь уступить, но обзавестись семьёй тебе всё равно придётся. Придёт время, и я сам найду тебе достойную невесту из приличного дома.

Ян Е досадливо топнул ногой:

— Братец, любовь — дело случая, куда торопиться? Да и невесту я выберу себе сам!

Ян Си нахмурился, смерил его скептическим взглядом и безапелляционно отрезал:

— Вкус у тебя скверный. Из рук вон плохой, если уж начистоту. В остальном волен поступать как знаешь, но тут... — Он решительно взмахнул широким рукавом. — Женить тебя буду я. А теперь проваливай.

Ян Е пулей выскочил из шатра и нос к носу столкнулся с Вэй Линьсянем. Недолго думая, он сграбастал приятеля за шиворот:

— Пошли быстрее! Будем пить с генералом Юанем!

В небольшом шатре быстро организовали хмельное застолье. И пускай луна не светила сквозь плотный войлок, собутыльников и без неё набралось трое. Юань Оумин смущённо улыбнулся Ян Е и поднял чарку:

— Маркиз, вы проявили редкое великодушие. Простите мне мою дерзость...

— Пустяки! — расхохотался Ян Е. — Пусть все любящие сердца соединятся наперекор невзгодам! Коль суждено свыше — не упускай своего счастья. Сам знаешь, я парень незлобивый, чужой радости только сопереживаю. Ну же, за твоё счастье! Пью до дна!

Хмель быстро ударил в голову. Ян Е сам не заметил, как захмелел, и перед глазами всё слегка поплыло. В этот момент полог приподнялся, и вошла Фэн Гэ, неся на подносе четыре блюда. Все они были приготовлены по южным рецептам: продукты самые простые, но исполнение тонкое, искусное — и аромат, и вид дразнили аппетит.

Ян Е скользнул по ней ленивым взглядом и обомлел. Он не видел девицу месяца три, и за это время она разительно переменилась. Лицо лишилось прежней болезненной желтизны, кожа посвежела, налилась здоровым румянцем. В разрезе глаз проступило скрытое прежде очарование, а в движениях сквозило кроткое изящество и благородная стать, присущая дочерям знатных родов.

Чарка Ян Е со звоном покатилась по столу. Спешно поймав её, он неловко захихикал:

— Ох, простите мою неловкость... Не ожидал, признаться, что Фэн Гэ расцветёт такой писаной красавицей. Ну и глаз у тебя, братец Юань! Настоящее сокровище отхватил.

Фэн Гэ лишь мягко улыбнулась. Сделав вид, что не заметила его остолбенелого взгляда, она

молча расставила чаши с едой и плавно выскользнула из шатра.

Вэй Линьсянь, тоже изрядно захмелевший, проводил её взглядом и легонько постучал пальцами по столу, восхищённо вздыхая:

— Эх, барышня... С такой женой и дом — полная чаша. Сразу видно: принесёт мужу счастье и достаток. Повезло тебе, генерал Юань! От зависти сгораю, честное слово!

— Братья, полно вам смущать меня, — серьёзно ответил Юань Оумин. — Я вырос в бедности. Встретить кроткую, добропорядочную спутницу жизни — уже величайшее благословение небес. К тому же знающие люди уверяли меня, что черты её лица сулят рождение сыновей. У меня ведь нет ни братьев, ни сестёр, и перед смертью родители больше всего желали, чтобы наш род продолжился. Я обязан исполнить их волю.

— Я ведь тоже совсем один... — пробормотал Ян Е. — И мне бы... Но как же я...

Он коснулся пальцами пылающей щеки. В душе поднялся странный, нестройный вихрь чувств. Вэй Линьсянь, тонко уловив перемену в настроении друга, поспешил переменить тему:

— Ладно вам тоску нагонять! Последние дни мы из седла не вылезаем, когда ещё выпадет вечер перевести дух? Давайте-ка лучше выпьем за нашу встречу!

Они шумели и хмелили до самой полуночи. Юань Оумин терпеливо и мягко улыбался, поддерживая весёлую беседу. Наконец в шатёр заглянул Сяо Наньань и сообщил, что вернулся Бэйчэнь Цин, и Ян Е срочно зовут к командующему.

Ян Е поспешил в палатку брата. Ян Си и Бэйчэнь Цин уже ждали его. Последний выглядел изнурённым, дорожная пыль плотным слоем покрывала его доспехи — видать, гнал коня не жалея сил. Заметив, что Ян Е едва держится на ногах и покачивается, Бэйчэнь Цин шагнул навстречу и придержал его за плечи, помогая сесть.

Пользуясь хмельной смелостью, Ян Е потянулся пальцами к его лицу и шутливо ущипнул за кончик носа. Бэйчэнь Цин мягко отвёл его руку:

— Это ещё что за нежности?

— Да вот проверяю, не испачкался ли ты в дороге, — глуповато ухмыльнулся Ян Е. — Точно ведь испачкался, признай?

Бэйчэнь Цин устало вздохнул:

— Твоя правда, остался я с носом. Впрочем, иного от этой поездки ожидать не приходилось.

Старый князь Цэнь повёл себя на редкость изворотливо: сказался больным и запер ворота. Два дня я слал ему прошения о встрече — всё без толку, меня даже на порог не пустили. На третий день, поняв, что уходить я не собираюсь, он объявил, что времена нынче тревожные, и ввёл в Чанъане комендантский час. Страже велели выдворить из города всех подозрительных чужаков, так что пришлось мне убраться восвояси, пока ворота не закрылись.

— Ну и Бог с ним, — сухо обронил Ян Си. — Обойдёмся. Вели предсказателям выбрать благоприятный день. Напишем манифест и будем готовиться к бою.

— А у нас как дела со сборами? — спросил Бэйчэнь Цин.

Пока он расспрашивал о положении дел в лагере, стражники внесли подносы с простой едой — в спешке пути Бэйчэнь Цин даже не успел поужинать. В шатре Ян Си условности соблюдали редко, так что Бэйчэнь Цин вместе с сопровождавшей его Тройкой Ма без лишних церемоний принялись за еду. Ян Е тут же подсел поближе, заботливо подкладывая лучшее мясо в тарелку Юньци.

Тем временем Ян Си подошёл к расстеленной на столе большой овечьей шкуре, на которой была начертана карта боевых действий.

— Я решил разделить силы на два направления, — заговорил он, ведя пальцем по линиям. — Пятьдесят тысяч воинов выдвинутся навстречу армии генерала Ло Ина, чтобы сдержать их натиск. Остальные укрепят оборону здесь, у заставы Фэньюй. Разумеется, прежде нам нужно занять вот эти пограничные высоты, зачистить тылы и устранить угрозу фланговых ударов. После этого закрепимся на позициях и будем ждать подхода Великого генерала Вэй Мэндо.

Очерченные им ключевые высоты лежали в двух сотнях ли к югу от Шалиня и на карте образовали полукруг, напоминающий раскрытый веер.

— Брат, но ведь ты сам вчера говорил о нехватке провизии, — подал голос Ян Е. — Крупные житницы остались под Лояном и Чанъанем, а здешние земли бесплодны. Мы не сможем долго сидеть в осаде.

— Мы ведём междоусобную войну, а в ней побеждает тот, за кем идёт народ, — твёрдо ответил Ян Си. — Мой венценосный брат опирается на книжников и прослыл человеком мягкосердечным. Я же, хоть и охранял рубежи последние годы, весом при дворе похвастаться не могу. Всем известно, что северное государство Сицзя — наш злейший враг. Цзинь Яжэнь, забравший власть над их ордами, куда хитрее покойного старого шаньюя. Стоит мне увести все полки на юг против императора, как кочевники тут же хлынут через границу. За нашими спинами расстилается великая равнина Гуаньчжун, там живут миллионы простых людей. И пусть князь Цэнь пока не спешит делиться зерном, я не могу предать эту землю и потерять доверие народа. Мы не отдадим заставу Фэньюй. Пусть Сицзя зарится на любые другие рубежи, но эту дорогу мы запрём намертво. А о том, что будет дальше, подумаем позже.

— Да ладно тебе, у старого князя Цэня амбары ломятся, он просто жадничает! — вскинулся Ян

Е. — О его несметных богатствах я ещё сопливым малым слышал. Чего у него только нет... Разве что наследника мужского пола господь не дал, а так — всего в избытке! И ради этого скряги мы должны проливать кровь на передовой? Думаешь, он оценит нашу жертву? Нет уж, надо приложить все силы, чтобы втянуть старика в это болото вместе с нами.

— Цэнь Цзинь из тех людей, кого ничем не разжалобить, — покачал головой Ян Си. — Но приличия мы соблюсти обязаны. Заставим мы его примкнуть к нам или нет — решит судьба. Пока оставим его в покое и сосредоточимся на том, чтобы продвинуться дальше на юг и занять плодородные уезды, где можно раздобыть зерно.

Бэйчэнь Цин, до этого молча евший, отставил чашу, поднялся и подошёл к карте. Внимательно всмотревшись в пограничные ориентиры, он произнёс:

— К середине месяца, когда луна пойдёт на прибыль, конница Сицзя наверняка совершит новый набег.

Степная конница Сицзя отличалась невероятной стремительностью: они налетали на приграничные городки как ураган и так же быстро исчезали. Поначалу Ян Си и Бэйчэнь Цин никак не могли предугадать их появление. Но после множества стычек они заметили закономерность, которая подтвердилась при допросе пленных. Оказалось, у степняков существовало нерушимое суеверие: отправляться в набег следовало строго в полнолуние, а возвращаться в родные степи — как только ночное светило начинало убывать. Из-за этого набеги неизменно приходились на пятнадцатый и шестнадцатый дни лунного месяца. Орды шли за зерном и женщинами, опустошая пограничные земли с пугающей регулярностью, отчего простой люд терпел страшные бедствия.

Как только Ян Си разгадал эту тактику, он устроил несколько успешных засад и наголову разбил кочевников. В Сицзя князя Чжао возненавидели и стали бояться пуще смерти. Их отряды сместили набеги на запад, к Трём заставам, но уходить насовсем не желали: время от времени они по-прежнему тревожили рубежи мелкими налётами, хотя соваться в открытую больше не смели.

Ян Си и Бэйчэнь Цин одновременно взглянули на висевшую в ночном небе луну и понимающе переглянулись.

— Позволь мне выступить против генерала Ло, — предложил Бэйчэнь Цин. — Я свяжу его боем, зайду с тыла и измотаю постоянными стычками. Из этого капкана он к заставе Пяньгуань живым не вернётся.

Ян Е, до которого наконец дошёл замысел, с силой хлопнул ладонью по столу:

— Ха! А ведь это блестящий план!

Спустя три дня после возвращения Бэйчэнь Цина Ян Си обнародовал манифест. Он объявил о

начале похода под лозунгом «Очистить окружение государя от изменников». На спешно возведённом помосте устроили великое жертвоприношение: закололи трёх жертвенных животных, дабы окропить боевые знамёна их кровью. Облачённый в тяжёлые парадные доспехи Ян Си лично совершил ритуал, а Ян Е и Бэйчэнь Цин застыли по обе стороны от него, безмолвные и сосредоточенные.

Затем свершили Ритуал Маи и древний Ритуал Синьгу — священный обряд предков. Полководцы щедро окропили боевые литавры и барабаны свежей кровью жертв, и над лагерем прогремел первый, грозный удар. С каждым мгновением рокот становился всё яростнее, а разносившийся по лагерю тяжёлый запах железа и крови пьянил разум. По рядам выстроившихся воинов прокатился глухой ропот — жажда битвы мгновенно овладела тысячами сердец.

Степной ветер неистово трепал языки пламени в жертвенных чашах. Сквозь марево огня Ян Е смотрел на брата, стоявшего на вершине алтаря и звучным, ровным голосом зачитывающего текст воззвания. Лицо Ян Си казалось высеченным из камня: резкие, волевые черты, суровый взгляд из-под крутых надбровных дуг, подчёркнутых резкими тенями полуденного солнца. В этот миг его заурядная внешность преобразилась, наполнившись поистине царственным величием. Внизу, под помостом, колыхалось море боевых стягов. Шеренги воинов застыли в грозном безмолвии, и сталь их доспехов и бесчисленных копий ослепительно сверкала на солнце.

Ян Е крепче сжал рукоять висевшей на поясе серебряной пики и слегка повернул голову. С другой стороны алтаря стоял Бэйчэнь Цин в вороных доспехах. Порывы ветра трепали упавшие на лоб пряди его тёмных волос, но на губах играла едва заметная уверенная усмешка, а взгляд горел лихорадочным блеском. Они обменялись быстрыми взглядами, и грудь Ян Е захлестнула волна безудержного восторга.

Он рано лишился родителей, но не желал оставаться сиротой, а потому сам выбрал себе семью. Ему было всего шесть, когда он, пробравшись сквозь шумные торговые ряды утреннего рынка, без оглядки побежал к поместью князя Чжао в поисках защиты и тепла. То был порыв наивного ребёнка, искавшего опору в пугающем мире. Видно, сама судьба связала их души ещё в прошлых жизнях: Ян Си тогда рассмеялся, подхватил его на руки, посадил к себе на плечи и с тех пор оберегал и баловал сильнее всех на свете.

«Брат — такой же сын прежнего императора. Так почему он должен сносить издевательства и самодурство Ян Тао? Почему законный трон не принадлежит ему?»

Когда Ян Е подрос и начал понимать суть вещей, матушку Го на его глазах заживо закопали в землю. Он видел, как Ян Си разрывался от горя, но не смел проронить ни единого слова упрёка. Эту крамольную мысль он бережно хранил в глубине души, не смея доверить её даже ветру. Все эти годы они втроём не заводили семей, не покупали усадеб и вели себя в столице как бесшабашные гуляки, которым нечего терять. Быть может, они осознанно отказывались от земных привязанностей ради того, чтобы сегодня поднять копьё, оседлать верных коней и перевернуть этот мир?

Когда Поднебесная падёт к их ногам, она будет принадлежать его названому брату. И больше никто во всей империи не посмеет вытирать о них ноги.

<http://bllate.org/book/19546/1998792>